

*Смертью
смерть
потушал*

В России революция — дрогнула мати сыра земля, замутил ся белый свет.

Сотрясаемый ураганом войны, шатался мир от крови пьян.

Грозен — в зареве войны — закатывался тысяча девятьсот шестнадцатый год.

От Балтики до Черного моря и от Трапезунда до Мосул - Длалских позиций гремели бои.

Берега Рейна и Дуная оглашались канонадой. Эльзас, Лотарингия и цветущая Шампань были превращены в пустыню.

Бельгия, Румыния и Сербия были разгромлены и засыпаны пеплом сожженных деревень и городов.

Миллионы людей были убиты, миллионы искалеченных валялись в ла-

*) Новая глава из романа «Россия, кровью умытая».

заретах или ползали, выращивая милостыню, по улицам Берлина и Москвы, Марселя и Константинополя.

Бабы слезы размывали каракули присылаемых с фронта писем. В полу темной церкви не одна трясущаяся рука ставила перед образом свечку и творила крестное знамение, вымаливая спасение родным и гибнущим.

В Самаре и Калуге, Вологде и Смоленске, в казачьей станице и последней деревушке слышалось сонное бормотанье полупьяного дьячка:

— Помяни, господи, души усопших рабов твоих воинов Ивана, Сидора, Петра, Матвея, Николая, Дениса, Ивана, Пантелея, Иосифа, Корнея, Григория, Алексея, Василия, живот свой на поле брани положивших и венец мученический принявших... Вечная память.

— С русским дьячком согласно переключился лютеранский пастор и католический священник, зулуеский шаман и турецкий муэдзин:

— Аллах вар... Аллах сахих... Ля илла-ха, ля ляяху...

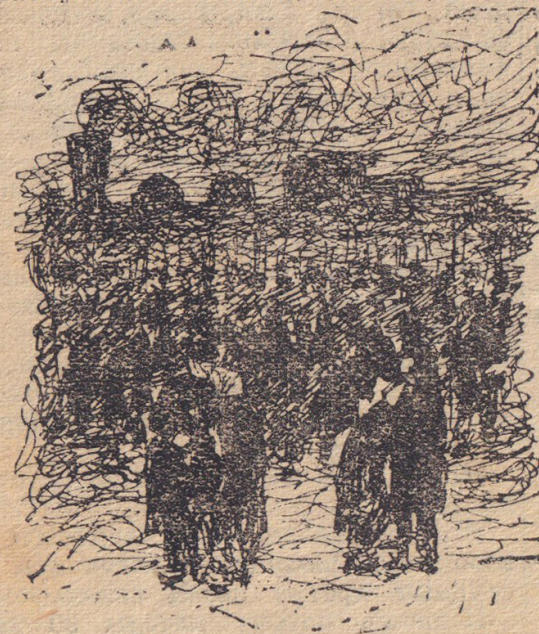
Над всем миром сталаась погребальная песнь.

**

... Страна была пьяна горем. В мутной морозной мгле, как в седом дыму, стлели поля и леса. По насту текли — плескались снега. Словно бронзовый звенел на дубу прошлогодний лист.

Приказы о мобилизации раскатывались по заборам, в деревнях оглашались в церквях и на базарных площадях.

Шли бородачи — отцы семейств, шли юноши — прямо со школьных скамей, шли здоровые, катки возвращались на фронт. Жениха война вырывала из объятий невесты, брата разлучала с братом, в матери отпи-

... перед вагонами — стелющаяся толпа.

«Должская Коммуна» 1авг. 1934г. Самара.

малта сына, у жены — мужа, у детей — отца и кормилицы.

...Одетый по-походному казак проходил над самыми иконами и размахисто престился. За ним стояла и молилась вся семья: ребятинки не мигая, бабы, насунив на залушные от слез глаза платки. Покоившись с молитвой, рассаживались по лавкам и сидели короткую минутку в молчании. Наконец, старик кричал:

— Ну, стало-быть.

— Да, стало-быть, — поднимался с лавки и служивый.

Первым он выходил из хаты. Пока казак управлял седловку, мать кланялась коню в ноги и просила его послужить хозяину правдой.

Казачи выступали.

Далеко по степи ветер мчал каленую доску походного бубна и наполненные силой молодые голоса:

Выступали казаченки
В поход с полуночи.
Заплакала Марусенька
Свои каре очи...

По кубанским и донским шляхам, по большакам и проселкам рязанских и владимирских земель, по быстрым речушкам Карелии, по горным тропам Кавказа и Алтая, по глухим таежным дорогам Сибири — кругом, на тысячи верст — в жару и мороз, по грязи и в тучах пыли — ехали, плыли, ползли, скакали, пробираясь на линии железных дорог, в города, на призывные пункты.

В приемных — страсть и трепет.
— Годиен! Следующий!

Под грязными сапогами валялись всех цветов волосы, которые еще вчера чья-то любящая рука гладила и причесывала.

— Лоб!

Из приемной вылетали, как из ба-

ни — красивые, распарившиеся, с криво шапеленными на шапки номерами, с растеряанными жалкими лицами. Полным ртом хватали грязный снег.

— Забриси... Тятяша, вынули из меня душу.

К вокзалам нестройными толпами шли призванные. Шли в обнимку с женами, бородачи шлепая на руках малых детей. За полком двигался обоз с походными мешками, сундучками, дряхлыми стариками.

Там и сям гармонь взрывала тишину:

Не вино меня качает,

Моя горюшко берет.

Я не сам иду в солдаты —

Белый царь меня ведет.

...мать кланялась коню в ноги.

— Ты мне больше этих слов не говори... Слова твои для меня, как для собаки палка.

— Тятнем, Ваня, горюшка.

— Цветок ты мой виноградный!

Посмотрели брат на брата,

Покачали головой.

Запропали, запропали.

Наши головы с тобой.

— Петруха, слышь, своего Леньку отхлопотал.

— У них, батя, карман толстый, они отхлопочут.

— Ну, Маруська, без меня не вольничай и содержи себя в аккурате.

— Гриша... да я.. да господи...

Вот гармонист разорвал гармонь на двое и с отчаянием завспив: — «Гуляй, ребята!» — пустился в пляс.

— Уймись, уймись, пузырьки скини. Дарный!

На вокзало кутерьма.

Вагоны набиты до потолка.

Перед вагонами — стоящая толпа.

... У облупленной стены вокзала, немного на отшибе от толпы, стоит потерявший мать пятилетний хлопчик в ладном полуплубчике и в отцовской сползавшей на глаза шапке. Он плачет шаврыд, не переводя дыхания, плачет безутешным плачем и охрипшим, надсеявшимся голосом беспрерывно тинет:

— Тятенька, миленький... Тятенька миленький...

Паровоз рывкнул и эшелон медленно двинулся.

Толпу будто ветром шатнуло. Крики отчаяния слились в один сплошной вопль, от которого казалось, земля готова была расколоться.

А мальчишка в полуплубчике плакал все горше и горше. Левою рукой он взбивал падающую на глаза шапку, а правую — с зажатым в кулаке рас-

таявшим сахарным пряником — протягивал к замалкавшим мимо вагонам и, как под ножом, все кричал да кричал:

— Тятенька, миленький... Тятенька, миленький...

Страшный год...

Тень смерти кружила над голодными городами и нищими деревнями.

У давок стыли нешелованные груди. Мутен и неспокоен был бабий сон.

Вопили в хатах, вопили на улицах, вопили в аулах, деревнях, городах. Вопили в саклях Чечни и в кибитках кочующих калмыков. Над всей страной, над всем миром, как зарево огроменого навиданного пожара, стоял стон, полыхали надсадные, рвущие душу крики отчаяния.

И лишь в дворцах раззолоченных — Петербург, Париж, Вена — гремела музыка, пламенело пьяное веселье и ликовал разврат. Военная знать и денежные воротилы дружно сдвигали бокалы с кипящим вином.

— Война до победы!

А за деревней, упав на сугроб, вопила старая мать:

— Последнего... Последнего... Ух... Лучше бы я камень родила, си бы дома лежала. Ух, батюшки, Ванюшка, родненький...

Ветер хлестал черным подолом юбки, развевал выбившиеся из-под платка седые космы:

— Последнего забрали... Да он и вырасти-то не успел... Последнего... Ух, ух...

Но не слышали матери родные сыны и лишь из дальней яруги — на вой ее — всем отзывались волки.

А там, на далеких полях, снегами да вьюгами крылась мочалоость.

Но — близился час гнева и мести.
Самара, 16 июля 1934 года.